3 ИЮЛ 1964

Скульптурный портрет Митрофана ПЯТНИЦКОГО. *Работа Сергея КОНЕНКОВА*

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Е. ПЯТНИЦКОГО

Сергей КОНЕНКОВ,
народный художник СССР,
лауреат Ленинской премии

КРЕСТЬЯНСКИЕ КОНЦЕРТЫ

С МИТРОФАНОМ Ефимовичем Пятницким я познакомился на одном из его концертов в 1912 году. Был это второй год его выступлений с созданным им хором. Тогда эти концерты назывались «крестьянскими»; на афишах так и значилось: «Концерт крестьян-великорусов, специально выписанных из Воронежской, Рязанской и других губерний». «Выписанные» таланты были огромны — настоящие русские самородки. Большой зал Московской консерватории рукоплескал артистам Пятницкого. Особенно семидесятилетней Аринушке Колобаевой, она пела вместе со своими дочерьми, одетыми, как и Аринушка, в старинные наряды. В их пении были неподдельная искренность, великая простота, так пели бы они у себя дома, в деревне.

В этом и была заслуга Митрофана Ефимовича, сумевшего сохранить в своем хоре правду переживаний и то особенное, не допускающее ни малейшей фальши и подделки «песенное действо», которым так богаты народные русские таланты.

Материальное положение М. Е. Пятницкого в ту пору было тяжелым: концерты не давали никаких сборов, все они устраивались с чисто благотворительными целями. Держался он только на одном энтузиазме.

Но успех, с которым проходили выступления, был огромным и неизменным. Правда, понять и оценить труд Митрофана Ефимовича, искусство народных певцов могли немногие. В отличие от музыкального мира и студенчества, восторженно принявших концерты М. Е. Пятницкого, эстетствующие буржуа холодно и презрительно отнеслись к выступлениям подлинно народного хора. И тем более приятно мне было увидеть на том концерте, где я впервые познакомился с Митрофаном Ефимовичем, сидящих в первом ряду Федора Ивановича Шаляпина и Сергея Васильевича Рахманинова. Они долго не покидали зрительный зал, еще и еще раз поздравляя М. Е. Пятницкого. Они были взволнованы как художники, столкнувшиеся с истинным проявлением таланта, самобытности.

В тот вечер привел меня к Пятницкому музыкант из Большого театра Иван Сергеевич Тезавровский, который вместе с Григорием Федоровичем Ромашковым, тоже музыкантом, хлопотал об устройстве концертов Митрофана Ефимовича.

Пятницкий уделял большое внимание музыкальной культуре хористов, приобщению их к классической музыке. Будучи человеком мягким, добрым, ласковым, он всегда ровно, мягко обращался с хористами, вникал в мелочи их жизни и часто водил их на оперные спектакли Большого театра.

Работать ему было очень и очень трудно. Атмосфера враждебности, непринятия встречала его у чиновников от музыки, не имевших представления о подлинной русской песне. Ведь в то время господствовали псевдонародные стилизации «крестьянской» музыки и ресторанная цыганщина.

Митрофан Ефимович вкладывал душу в свое дело и в свои песни. Пел он превосходно! Голос у него был чудесный — высокий баритон, которым он владел с поразительным искусством.

Когда запевал он, выходя перед хором, высокий, красивый, представительный, а голоса хора вдруг подхватывали, казалось, на слушателей опрокидывалась сама стихия народной хоровой музыки. Это было в подлинном смысле слова народное пение. Особенно любил я, когда пел Митрофан Ефимович песню «Ой, вы, горы, горы Воробьевские». Сам—воронежский, он прекрасно передавал песни своей родины, даже в сольном исполнении вплетая в свою партию звуки хоровых подголосков. Пятницкий раскрыл душу русской песни, тонко чувствуя, чудодейственно умея воссоздать ее, мастерски передавал местную народную фонетику.

Митрофан Ефимович Пятницкий был настоящим художником и патриотом. Любовью к родине его песен — к России, к их создателю — русскому народу было проникнуто все его существо. Он выступал со своим хором на фронтах гражданской войны, на фабриках и заводах. В 1918 году Хор М. Е. Пятницкого выступал перед В. И. Лениным, который высоко оценил пропаганду народного творчества Пятницким и указывал на необходимость расширения деятельности хора. Воодушевленный этой беседой, по-новому осознал свою задачу художник в общенародной борьбе за новую жизнь.

В 1960 году я закончил работу над скульптурным портретом М. Е. Пятницкого. Я работал с огромным воодушевлением, с огромной радостью. Я хотел, чтобы в мраморе звучала музыка, музыка, созданная самим народом. Наверное, я никогда бы не стал художником, если бы с детства не полюбил народную музыку. Для меня всегда близка ее стихия, и именно в ней я искал и ищу образы и ритмы своих произведений.

Я счастлив, что знал Митрофана Ефимовича Пятницкого. До сих пор я вспоминаю его концерты и часто за работой напеваю: «Ой, вы, горы, горы Воробьевские».

БЕССМЕРТИЕ ПЕСНИ

В. КАРПЕКО

СТЕПЬ... Ах, до чего ж хороша она, русская степь!.. В дымке знойного марева лежит она, раскинувшись широко, под голубой высью. И бегут, и бегут шелестящие волны цветного разнотравья, подгоняемые легким ветерком, в низком гуде пчел и шмелей, а над всей этой неоглядной ширью высоко-высоко в небе звенит жаворонок...

Но вот все затихает, а вы еще видите перед собой волнующуюся степь, всю в ковыльном серебре... И, только очнувшись, вы соображаете, что сидите в Концертном зале Чайковского и слушаете Хор имени Пятницкого...

Есть песни, которые слагались веками, песни, в которые каждый вносил по словечку, и плыла песня от села до села по необъятной Руси, и слова в ней обкатывались, как камешки морскими волнами, а мелодия ее впитывала в себя и плач, и смех, и журчанье вешних ручьев, и посвист птиц, и тоскливый стон зимних вьюг.

Бессмертна песня, которую сложил народ! Бессмертна песня, которая, не старея, проходит сквозь столетия!

И какое же доброе дело сделал Митрофан Ефимович Пятницкий, человек широкой души, посвятивший всю свою жизнь народной песне!

Чиста и бескорыстна была любовь Пятницкого к искусству народа. Он тратил все свои скромные сбережения на поездки, в которых собирал по перышку из широко раскинувшихся крыльев жар-птицы народного творчества. В своем родном поселке Александровском, близ Воронежа, он плакал, слушая песни Арины Колобаевой и ее двух дочерей.

В альбоме, хранящемся в библиотеке хора его имени, есть старая, выцветшая фотография, запечатлевшая Пятницкого в момент, когда он записывает на фонографе двух крестьянок, поющих старинную русскую песню. Митрофан Ефимович, чуть приподнявшись на носках, поднял руки и ладонями как бы ограждает песню от неизвестной беды. Он слегка наклонился вперед, повернул голову к певицам и застыл, словно боясь обронить хоть одну жемчужинку из льющейся мелодии.

Через всю свою жизнь пронес он это бережное отношение к народной песне, чтобы не отдать ее на дешевую распродажу в дворянские хоромы, не затаскать ее по кабакам в угоду куражливым купцам. Не терпевший никаких подделок и стилизаций, он привозил в Москву крестьян и крестьянок из деревень и давал концерты — не часто, раз или два в году, хотя они имели громадный успех.

«Это хорошо, как розовые зори, как широкая степь! Как зеленый лес! Так хорошо! Так хорошо! Хорошо!»— писал И. А. Бунин, побывавший на одном из концертов...

Могучий гул орудий «Авроры» радостью отозвался в сердце М. Е. Пятницкого. Теперь он и его хор выступают очень часто. Вчерашнее «мужичьё», вчерашние «лаптежники», сегодняшние свободные граждане свободной России отправлялись на фронты гражданской войны отстаивать добытую кровью свободу. И для них — в казармах и на площадях — пели такие же вчерашние «бабы» и «мужики», пели от всего сердца, провожая их. Однажды среди слушателей нашлись земляки воронежцы. Они подошли после концерта, и один из них, вздохнув, сказал с просветленным лицом:

— Как будто дома побывали...

Лучшей награды и не надо было певцам.

Я встретился с народной песней в селе; нас, мальчишек, отправляли на лето к бабке. Уже не помню сейчас, за что я был наказан, но в тот день я убежал из бабкиного дома и до ночи бродил по селу, глотая слезы обиды. К ночи, возвращаясь домой, я услышал песню. Пели женщины, сидя на бревнах. И столько в той песне было неизбывной печали, так брала она за душу, что все мои мелкие обиды отошли куда-то, растаяли, и я стоял, как зачарованный, и слушал, слушал...

Смолкла песня, и в наступившей тишине слышно было, как потрескивает махорка в самокрутках мужчин, кучкой стоявших возле бревен. Запомнился короткий разговор.

— От песня... Чистая слеза... — сказал кто-то в темноте.

Чуть помедлив, другой голос ответил:

— Чище... Слеза-то, она разная бывает. Бывает со злости да с вина...

Потом, став уже взрослым, я ходил на концерты Хора Пятницкого, и каждый раз мне вспоминался тот поздний вечер и женщины на бревнах, певшие песню, которая отмела от обиженной детской души моей все мелкое, горькое...

На днях я беседовал с Александрой Васильевной Прокошиной, солисткой хора, и Валентином Сергеевичем Левашовым, руководителем этого славного коллектива. Они рассказывали мне о новой программе, которую хор готовит к пятидесятилетию Советской власти. Большое место в ней занимают песни о Владимире Ильиче Ленине — песня Б. Мокроусова «Идут бурлаки», «Песня о Ленине» В. Шафранникова, «Памятник над рекой» А. Мосолова.

Увлеченно говорил Валентин Сергеевич о своей работе над песней о Надежде Загладе, слова к которой написал поэт Н. Исаев, — слова о чести хлеборобов, о любви к земле и трудовым рукам, возделывающим эту землю...

Беседа шла к концу, и Александра Васильевна поглядывала на часы: ей пора было ехать в совхоз «Белые дачи» на репетицию хора — одного из детищ Хора имени Пятницкого. Их, этих детищ, много — это и Пензенский народный хор, и Брянский, и Торжокский... Знать, недаром вложил всю свою душу М. Е. Пятницкий в свой коллектив, недаром учил он своих преемников нести свет русской песни далеко и широко, учил бережно хранить ее, бессмертную.

Выступает танцевальная группа Хора имени Пятницкого.